

Марию Ивановну Бабанову еще при жизни называли великой актрисой. Ее мелодичный неземной голос, знаменитая льняная челка, логичная нелогичность интонаций создали имидж Бабановой, саму музыку этого слова. Актриса из легенды.

Легенда Бабановой связана не только с понятием утонченной театральной красоты, но и с тем способом жизни, какой она вела, с теми правилами, каких она придерживалась, с ее откровенным неприспособленчеством, умением жить замкнуто, в стороне, вести свое отдельное существование. В годы, когда, казалось, «своей» роли уже ни у кого не было, когда автоматический конформизм вырабатывался

ет тоненькая фабричная девчонка. Скромный лен обильных волос. Две окаменевшие фиалки — глаза. Так появляется актриса, актриса Бабанова. Ее имя сегодня еще никто не знает, но завтра оно уже вписано как начало молодой плеяды актрис».

Ровно через год, в 1923-м, Всеволод Мейерхольд поставил в Театре революции «Доходное место» Островского, и Бабанова сыграла свою великую роль — Полиньку, барышню из Замоскворечья, в котором сама родилась 11 ноября 1900 г. Начиналась новая эпоха русской театральной культуры, новая эпоха жизни. В ней Бабановой с ее внутренней свободой, трезвостью острого ума, врожденной артистичностью

Звонкое имя — Бабанова

как защитная реакция, когда чувства чести, стыда, вины — все поглощалось страхом или наивным эгоизмом («нас это не касается»), Бабанова старалась сохранять себя. В годы вызывающей прямолинейности, директивного обращения с людьми, насилия над ними она играла арбузовскую «Таню», ломая своим искусством тот жесткий, жизненный стиль, который устанавливала эпоха, и категорически избегала идти в ногу со временем. Постепенно она и отходила от него, а в последнюю четверть века подолгу вела сама с собой горький, безмолвный диалог. Но никогда не изменяла себе, может быть, потому в канун ее 90-летия мы с особым восхищением и почтением произносим звонкое имя — Бабанова.

Она ошеломила с самого начала, когда сыграла у Мейерхольда Стеллу в «Великодушном рогоносце» Фернана Кроммелинка. Забытая сегодня Вера Юренева, одна из самых больших русских актрис провинциальной сцены десяти и двадцатых годов, писала после премьеры: «По боковой лестнице ловкими, уверенными ногами в высокосашинурованных советских башмаках вбега-

натуры надлежало прожить длинный-длинный ряд лет, счастливых и горьких. Двадцатые и тридцатые годы привели ее на вершину славы. Ее обожали зрители, она была кумиром не одного поколения. Ее рисовали Фаворский и Фоназин, ею увлекались Качалов и Книппер-Чехова, Таиров и Коонен, Андровская и Мансурова, Черкасов и Шукин. Ею интересовался Станиславский, ее актерские прозрения вдохновляли Андрея Белого. На ее премьеры собиралась «вся театральная Москва». Искусство Бабановой завораживало. Когда она пела песенки в спектаклях своим высоким, прозрачным голосом, примирялись даже те, кто не принимал ее таланта. Так не пел никто и никогда.

Давно известно, что ее роль — а сыграла она гораздо меньше, чем могла и должна была сыграть, — навсегда вошла в хрестоматию актерского мастерства: Мария Антонова в «Ревизоре», Гога в «Человеке с портфелем» Файко, бой в «Рычи, Китай!» Третьякова, Анка в погодинской «Поэме о топоре», Диана в «Собаке на сене» Лопе де Вега...

С годами она играла все

меньше и меньше, никто не заботился о ее актерской судьбе. Но отчаянный драматизм «пустых сезонов» накопил в ней не только запасы горечи, но и запасы прочности. Ее актерский и человеческий дар восторжествовал над обстоятельствами, в которые ее ставила жизнь. Она записывалась на радио, много читала, учила языки и сохраняла в неприкосновенности то, что имеет ценность таланта и что ушло в легенду, власть которой оказалась велика.

В театре она осталась, и в Театре революции — Театре драмы — Театре Мачковского (менялись только названия кирпичного красного здания на улице Герцена) провела всю жизнь, хотя последнюю свою роль сыграла во МХАТе в пьесе американского драматурга Э. Олби «Все кончено». Легкая на подъем ради сцены, она с трудом входила в чужие стены и чужую пьесу, но то было уже под конец. Что осталось нам? Знаменитый бабановский голос, мир ее радиоролей и несколько крохотных кадров кино, не сохранивших великое обаяние актрисы, чей «загадочный, рассеянный свет» будоражит по сей день.

Виталий ВУЛЬФ.

● Французенка Мари в спектакле «Сыновья трех рек» Виктора Гусева (1944 г.).